

Анна
Градова

ПОПАДАНЦЫ В КРЕПОСТНЫЕ

ХОЛОПЫ

Элина Градова

Холопы

«Автор»

2026

Градова Э.

Холопы / Э. Градова — «Автор», 2026

- Прасковья! А ну сымай штаны! – приказывает муж, сурово сдвинув брови, и разматывает кнут.- Совсем сдурел? – возвращаю Жеребцова с небес на землю. Но он не унимается,- Кому говорю, сымай!- Ужо! – изображаю подобострастие. – Бегу, и чёлка назад!..***Семён Жеребцов олицетворяет в себе всё, что я не могу терпеть в мужчинах: наглость, пренебрежение к женщинам и тупые шутки над ними. И надо же было так распорядиться судьбе, что мы попали с ним в прошлое. 19 век, глухая деревня, крепостное право и домострой. Но я – спецкор новостного агентства, девушка с независимым характером, не собираюсь изображать его покорную жену. И всё идёт наперекосяк! Единственный шанс выжить и вернуться домой — научиться слышать друг друга. И пройти путь от ненависти до любви. Романтическая комедия о яркой феминистке и махровом женоненавистнике.

© Градова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	6
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Глава 4.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Элина Градова

Холопы

Пролог

- Зашибись! – рычу, вылезая из бесполезного автомобиля. – Навязался мне на голову Иван Сусанин!

- От Сусаниной слышу! Кто маршрут в навигатор забивал? – Жеребцов выскакивает с другой стороны. – Топографическая кретинка! Да что с баб спрашивать! – машет рукой.

- Что-о?!

Нет, мы, конечно, никогда не избегали пикировок в агентстве, но чтобы вот та-ак! С переходом на личности!

- Да ты!

- А ты-ы!

Упираемся взглядами в лобовую, того гляди, сожжём!

Самая сладкая работа за мою журналистскую карьеру - репортаж с ярмарки мёда в посёлке городского типа Завьялове, началась самым горьким разочарованием, едва я узнала, что со мной поедет Жеребец.

Приставить в качестве оператора личного врага - удар под дых со стороны руководства.

Мало того, что я в обычной жизни не перевариваю этого махрового шовиниста, так он – гад ещё и за руль уселся,

- Тесту место у печи! – сплюнул пренебрежительно.

А потом умудрился съехать куда-то не туда с трассы.

В результате, вместо того чтобы дегустировать продукцию в уютном селе, брать интервью у местных пчеловодов, а главное, у почтившего вниманием это событие, губернатора, мы где-то в бескрайних полях с пустым баком стоим лоб в лоб, готовясь поубивать друг друга.

ЧПОК! – откуда ни возмись, прямо между нашими носами возникает шарик.

Небольшой, размером с теннисный мяч, переливается радужным мыльным пузырём, перетекает, не теряя формы, как ртутная капля и, кажется, решает, кого выбрать.

Я, как под гипнозом, не могу оторваться. Напротив Жеребцов – глаза в кучу, и тоже на шарик.

- Шаровая... - «молния» сказать не успел.

ЧПОК! – яркая вспышка! И нас нет!

Глава 1.

- Где мы?

Тьма ещё только рассеивается, но обоняние уже проснулось.

- Чем воняет? – Жеребцов подтверждает, что не галлюцинации.

- По-моему... это навоз.

Шлёп! В следующую секунду в меня врежется источник аромата. Прямо в грудь! На белый топ!

- Ишь, выголилась! Бесстыжая! – дикие вопли.

- Креста на ней нет!

Если честно, я его не ношу. Вместо креста индейский амулет – клык медведя с серебряным навершием. Когда-то купила на распродаже безделиц ручной работы. Продавец сказал: настоящий из северной Америки. Обожаю такие штучки с историей.

Хватаюсь за шею. На месте.

Зато я не на месте! И Жеребцов рядом глаза продирает.

А вокруг собираются какие-то старообрядцы!

Подолы у баб до земли, на головах платки. Мужики бородатые в рубахах навывпуск, грубых портках и у всех... лапти!

Ребятишки вовсе босиком. Стоят, гогочут. Чумазы поганцы-подростки подбирают комья грязи из-под ног, катают в руках. Догадываюсь, кому предназначаются эти ядра!

Нелепая баба в синем сарафане, схваченном под мощной грудью пеньковой верёвкой, продолжает истерить,

- Да вы гляньте, люди добрые! Мало, что простоволосая, так голожопая! – и на меня пальцем показывает.

- Вы совсем тут с ума посходили? – уточняю опасливо. – Я в шортах, вообще-то.

Ох, не нравится мне эта местность!

На всякий случай одёргиваю пониже джинсу, но тогда оголяется пупок. Топчик у меня не до колен.

- А мужик-то ейный куда смотрит? – сплёвывая семечковую шелуху, лыбится здоровенный румяный детина, а сам шастает голодным взглядом по моим ногам и груди.

Остальные не лучше.

- Он не мой му... - ладонь Жеребцова не даёт договорить.

- Простите, люди добрые! – перекрикивает. – Она у меня странненькая. Но безобидная. Пойдём мы... - вскакивает, дёргает за руку. Решив, что слишком копошусь, закидывает на плечо. И мы куда-то бежим.

Жеребцов ногами, я в виде мешка картошки.

Вслед свист, гогот, комки грязи и оскорбительные насмешки,

- Тощая какая!

- Не потискать, не подрать!

- Только собакам глотать!

- Так и они на такие кости не накинута!

Первая мысль, как только опасность миновала, и Жеребцов повернул за плетень: тот шарик в поле взорвался, и теперь я наверняка лежу в реанимации в глубокой коме.

Конечно, дурдом, который сейчас случился, мало похож на свет в конце тоннеля, о котором рассказывают воскресшие после клинической смерти, но каждому своё. Видимо, древним предкам я крупно задолжала.

Только что в моём предсмертном бреду делает Жеребец?

Хотя и это объяснимо: лежит на соседней койке в той же реанимации. Голый... наверное... Как и я!

- Фух! – сбрасывает меня с плеча мой враг по несчастью. – Кажется, оторвались.

- От чего?

Оглядываюсь. Бревенчатые избы, огороды, телега, деревянный колодец. Больше всего это похоже на съёмочный павильон под открытым небом. Кино про древнюю Русь, не иначе. Лет двести тому назад.

- От кого, - поправляет. – Косплейщиков ненормальных. Это ж надо так в роли вжиться!

- Ах, вот оно что, - косплей значит. – Но, честно говоря, у них тут так натурально воссоздано. И лаптей всем наплели, не поленились...

- Тише! – внезапно Жеребцов снова душит ладонью мои умные речи. – Слышишь? Сюда идут!

И точно,

- Ищите! Они в эту сторону побегли!

Жеребцов хватает меня за руку и тащит в первый попавшийся сарай.

При других обстоятельствах – это могло быть очень романтично. Но не с ним. С этим индюком я бы сроду не пошла. Но обстоятельства!

Промчавшись по двору, переполошив домашнюю птицу, влетаем в ворота.

Кажется, это заведение называется «хлев».

Под ногами хрустит сухая солома, за перегородкой хрюкает свинья, а у дальней стены полка с гнёздами, и пёстрая курица пытается родить яйцо.

Надрывается родимая так, словно у неё там не С2, а как минимум высшая категория, да ещё и золотое!

При виде незваных гостей, принимается голосить, как та баба на площади.

Жеребцов, не давая толком осмотреться, утаскивает меня в угол, забитый сушёной травой,

- Лезь в сено, - командует. – Заройся и не дыши.

- С ума сошёл? Оно же колется!

- Не помрёшь, неженка.

А сам уже вбуравливается. Шур-шур, и нету.

Ну и я следом.

Сидеть в сене, дышать травяной пылью, ощущать, как в кожу тут и там впиваются колючие соломины – медленная китайская пытка. Ещё и в носу щекочет. Не приведи господи, помереть тут от аллергии.

Единственное, что утешает – Жеребцу не лучше.

И тут меня озаряет!

- Твоих рук дело? – вопрошаю строго. – Нарочно с дороги съехал, притащил меня к этим клоунам в лаптях. А теперь изображаешь, что мы заодно? Пфрр... - отдуваюсь от травы, лезущей во все отверстия.

- Хм... - доносится сбоку. – Не бьётся малость, подруга. Молнию тоже я наколдовал? Пфрр...

- Не знаю, как ты это организовал, Жеребцов, но на чистую воду я тебя выведу! – напускаю уверенности в голос. Пусть заранее трепещет! – Пфрр!

Тем временем, за язык повешенная кура орёт так, словно из неё перья живём дерут! Процарапываю дыру для обзора.

Там ещё и петух образовался. Дооралась, сердешная! А он, как истинный защитник, уже косится недобро в нашу говорящую кучу сена.

- Что, пеструшка, изошлась? – в воротах появляется та самая здоровенная тётка в синем сарафане. Теперь понятно, в кого курица такая горластая.

Следом мужик влетает,

- Матрёна! Не к тебе ли демоны забежали? - в руках трезубец. – Я вот ужо их на вилы!

- Ну, чё? Тутова аспиды? – за спиной мужика ещё один.

И ещё, и ещё.

А я терплю из последних сил, но в носу уже нестерпимо щекочет!

- Апчихи-и!

Простите, не удержалась.

Глава 2.

- Держите демонов!

- Агу их!

С дикими возгласами, толкая друг друга, толпа разъярённых мужиков и баб кидается на наше укрытие. И буквально через минуту мы с Жеребцовым, порядком потрёпанные и слегка побитые, стоим в центре позорного круга посреди двора.

- Ну что, гады, попались?! – зловеще вопрошает бабища.

- По чужим курятникам лазать вздумали?

- А не эти ли лихоимцы, Матрёна, лишили тебя яиц? – догадливо кивает один из мужиков. Тот самый, что с вилами прибежал.

Жеребцов начинает ржать, как ненормальный. Вот уж, фамилия говорящая,

- Баба с яйцами? Это та, что коня на скаку...

Цитату завершить не дали.

Получает звонкую затрещину,

- Почто скалишься? Зубы жмут?

- Слушайте, ребята, - обращаюсь к странным гражданам, - а вы часом не белены обелись? Не переигрываете?

Нет, мне не то, чтобы очень жалко Жеребца. Я бы гадёнышу тоже с удовольствием отдала, но нам с ним ещё выбираться из этого дурдома, а других напарников нет. К тому же, у него и так фингал под правым глазом, и рубаха драная.

- Чего лопочет эта перемотина? – влезает ещё какая-то ушлая беззубая старуха. – Белены-ы?

- Ну точно! Это из-за них я барыне оброк по яйцам задолжала! – хлопает себя по лбу Матрёна. – А я-то думаю!

- А пошлите-ка, отведём их к Агриппине Мироновне! Пушай велит Изоту шкуры с них спустить!

- Ну хватит, - обычно весёлому коллеге уже тоже не смешно, - пошутили и будет. Покажите, где тут у вас выход из дурдома, и мы уйдём. У нас дела неотложные.

На всякий случай берёт меня покрепче за руку. Не отдёргиваю. Хотя моё мнение об его умственных способностях не слишком высоко, но по остальным вокруг вообще психушка плачет.

Делаем два решительных шага, пытаюсь пробиться сквозь окружение, но Жеребцову тут же прилетает в бок, а в наши лица ощериваются разные сельскохозяйственные инструменты. И мы резко передумываем.

- Не спорь, - шепчу, - может, эта Агриппина поумней. Спросим у неё дорогу на Завьялово и уйдём.

Всей честной компанией, к которой прибывает и прибывает, отправляемся к таинственной Агриппине.

Впереди Матрёна с праведным лицом и большой грудью, как ледокол, пробивающая дорогу, мы в середине, по бокам и позади охранники с кольями и вилами.

Следом сопливая ребятня и бабы. И такие радостные все,

- Голая!

- Смотрите, голая дура!

- В дёготь её! А потом в перья!

Опять что-то прилетает в спину. Инстинктивно сжимаю ладонь Жеребцова,

- Твари-и... - шиплю.

- Пусти-ка, - вытаскивает руку. Что он задумал?

Останавливается.

И все встают, только Матрёна чешет вперёд, не оглядываясь.

Мой враг снимает рубашку... заводит мне её за спину, завязывая рукава на талии и, наплевав на всех, принимается застёгивать спереди,

- Может, заткнутся...

- Спасибо, Сёма, - шепчу благодарно.

- Ну вот уже и до Сёмы повысили, - усмехается.

А он ничего такой, если честно. Без рубашки вообще, огонь! Раньше не доводилось видеть.

Но это мы отвлеклись ненадолго, и опять в путь.

За спиной обсуждение,

- Всё же, пожалел жёнку, жопу ей прикрыл хотя бы.

- А я бы вожжами её! Вожжами! Отходил бы за такой наряд!

Жеребцов на всякий случай, подтягивает меня к себе ещё ближе,

- Без паники, - уговаривает едва слышно.

А как тут без паники?

- Семён, признайся честно, нас снимает скрытая камера? – не то, что уличаю, умоляю!
– Пусть это будет розыгрыш! Пожалуйста-а!

- Если это и розыгрыш, то не мой, - убивает ответом.

И, судя по тону, не врёт.

Пройдя крестным ходом через всё селение, останавливаемся возле большого дома с колоннами и белокаменным крыльцом. Довольно мило для центральной усадьбы. Клумбы с цветами, дорожки камнем вымощены. Не то, что у быдла этого: то ямы, то ухабы, то лужи.

Из хором выходит деловой мужчина в бордовой рубашке, застёгнутой под горло, в начищенных сапогах, хоть глядись, на ходу натягивает фуражку или картуз, но не одна ли фигня.

- Чего базар устроили? – в голосе строгость. Злые цепкие глаза буравят толпу. Руки в боки, большими пальцами за кушак. Грудь колесом, а за кушаком-то, кажется плётка. – Почто не в полях? Не в лугах? Сено само себя не уберёт!

- Дык... Это...

- Мы ж как лучше...

- Власыч, ты не серчай!

- Мы демонов поймали!

И расступаются, так что мы лицом к лицу с главным.

Тут вступает с солом Матрёна,

- Изот Власыч, тут дело такое. Помнишь мою недоимку по яйцам в ту пору?

- Чего мне помнить? – хмыкает высокомерно Изот. – Я записываю.

- Ну так вот они – аспиды! – тычет в нас врунья. – Их рук дело! Яйца из-под курей у меня воровали!

- Очень надо... - шиплю. – Сама поди в три горла жрёт!

- Тише... - одёргивает Жеребцов. – Послушаем, что этот скажет.

- Кто таковы? – не задолбывает с вопросом Изот. – Чьих будете? Как кличут?

- Семён Жеребцов, - напарник сдаётся первым. – Тридцати лет от роду. По технической части силён...

Чёрт! Что он лепит?

- Оператор-репортёр документальной съёмки, - помогаю, не в силах слушать его бред.

- А баба у тебя дура, видать? – уточняет Изот. – Городит что-то непонятное.

- Да не слушайте её, господин управляющий, - откровенно льстит Жеребцов, - она так-то нормальная, просто третьего дня со стога свалилась. Да так неудачно – головой вниз. Вот и помешалась чуток.

- Заметно... - кивает польщённый Изот. – Как звать-то тебя, юродивая?

- Анжелика Пожарская, - выступаю гордо, - и вообще я не юроди...

- Ка-ак? – переспрашивает.

- Прасковья она, Ваша светлость! – Жеребец вообще все берега попутал! Ещё бы Вашим величеством этого индюка назвал!

- Изот Власыч, ты куда пропал? – из дверей выкатывается тучная дама в кружевах и замирает, - а что здесь происходит?

Народ, как улей, начинает гудеть, но управляющий пресекает взмахом плётки и отвечает за всех,

- Да вот, матушка Агриппина Мироновна, - селяне странников изловили. Как я понял, граф Пожарский с нами за корову рассчитался.

- За стельную породистую корову вот этих оборванцев? – старая Тортилла приставляет к заплывшим глазкам пенсне, вглядывается. – А ну-ка осмотри их как следует, Изот.

Управляющий, ничтоже сумняся, спускается с крыльца и начинает в прямом смысле осматривать Семёна, как коня на базаре! Щупает бицепсы, грудь. Нет, ну я понимаю, там много, что можно пощупать! Но не вот так же! И не ему!

- Рот открой, - командует.

Жеребцов открывает, а тот прям, как заправский стоматолог, заглядывает,

- Зубы все на месте... Крепкие, - пошатав в чужом рту, сообщает удовлетворённо. – Нормальный товар, матушка. В работе сгодится. Мож на конюшню, или на покос пошлю.

- А теперь ты давай, дурочка никчёмная, - переходит ко мне, и не обращая внимания, что я не глухая, комментирует своей хозяйке, - тощая, как скалка, бестолковая. Одно радуется, не объест. Рот открой, голуба моя, - просит культурно.

И куда деваться? Открываю. А он туда палец суёт,

- А это чего такое? – пломбами что ли интересуется? И продолжает разговор, - толку от неё, конечно, мало. Может, монастырю пожертвовать? Ай-й! Сука! – орёт не своим голосом. – Руку отгрызла!

- А потому, что нечего мне в рот грязными лапами лазать! – отплёвываюсь. - А в монастырь я сама вас упеку! Лет на десять! Всех оптом по статье 127 УК РФ за незаконное лишение свободы и создание организованной бандитской группировки!

- Эту на конюшню! – рывкает Агриппина! – Выпороть, чтобы в ум вошла! А Пожарскому обиду не спущу! Я ему, понимаешь ли, корову! А он мне вместо достойного обмена - хомутанца со стервушкой!

Глава 3.

- Кого-о? – я опять не удержалась. Даже на миг позабыла что грозит моей, ни в чём не повинной заднице.

- Пойдите, матушка Агриппина Мироновна! Не велите казнить, велите слово молвить! – Жеребцов упорно душит мой рот грязной пятернёй и внезапно переходит на какой-то старославянский бред. Причём, совершенно искренне. А для пущей достоверности, шепнув, - молчи, - отпускает, бухается прямо в пыль на колени и продолжает, - простите жёнку мою глупую! Не надо на конюшню! Я её сам дома выпорю! – Ещё и кулаком сволочь грозитя, - попомнит она у меня! Седьмицу на жопу не присядет!

- Да ты...

Делает страшные глаза. И я, ничего не придумав, затыкаюсь.

И смотрю на барыню.

А эта старая карга как-то очень заинтересованно изучает рельефный, хорошо проработанный торс моего названного муженька сквозь пенсне.

- Сам говоришь? – тянет игриво. – Ну что ж, может и прошу... на первый раз. Но знай, как там тебя...

- Семён, - торопится тот услужливо. – Жеребцовы мы! Семён и Прасковья!

- Так вот, Семён, - покачав кружевами на капоре, продолжает, - бабу сегодня выдерешь, как сидорову козу... Чтобы вся округа слышала, как из неё дурь выходит.

- Будет сделано! – божится размашисто. - Уж я расстаюсь! Вот те крест!

- Что ж, похвально... Но дом... Дом заслужить надо. Власыч, - окликает управляющего.

- Да, матушка! – вытягивается тот в струну. - Что прикажете?

- Определи их в хлев покамест. Столоваться от дворовых, что останется.

- Охрененно, - шепчу возмущённо. - Плакала моя средиземноморская диета...

- Заткнись, - так же одними губами Жеребцов.

- На какие работы сам решишь. Одежду дай. Не гоже людей смущать голыми телесами. Вот я попению соседушке, каких он мне крепостных прислал. Не то, что на телеге со скарбом, а нагишом с пустыми руками! Скопидом этакий!

- Будет исполнено, матушка, - кланяется в пояс. – Потом к публике, - вече закончено, честной народ! Расходитесь на работы!

- А как же я? – встревает неугомонная Матрёна. – Матушка! Они ж мои яйца воровали! Убила бы сволочь лживую!

- Ох, Матрё-ёна, - грозитесь узловатым пальцем Власыч, - сама напросилась! Как они могли воровать твои яйца, коли их Пожарский только нонче прислал?

- А я... - тупит Матрёна, - а они...

- Ты уж разберись, Изот, чтоб другим неповадно врать было, - бросает напоследок Агриппина и, утратив интерес к мероприятию, уходит в хоромы, мерно покачивая тяжёлым задом в оборках.

- Штрафные выпишу, - торопиться отчитаться управляющий.

Хозяйка кивает, не оборачиваясь,

- Выпиши, выпиши...

Я дарю этой дурынде самую лучезарную улыбку – меня-то хоть муж... А ты теперь сама рядом с курами садись и высидивай штрафные яйца.

Стоп! Какой муж? Жеребец – мой муж? Это ещё кто кого высечет!

Жилплощадь дорогим гостям выделили шикарную!

За загородкой в два ряда загоны, а в них свиньи, овцы и прочий зоопарк. Ароматерапия убойная!

У нас с Жеребцовым личная опочивальня на двоих – свободный люкс.

- Вот! – этот дурила радостно притаскивает кипу соломы. – Свежей раздобыл!

- Я лучше на улице, - затыкаю нос. – На травке. И вообще, ты тут спать собрался, когда нам валить надо? Прямо в образ вошёл: «Не велите казни-ить!» - передразниваю, - «матушка, Агриппина Мионовна-а...» Прасковьей меня обозвал по какой-то фиг!

- А тебе, я смотрю, хотелось прямо там на площади по жопе отхватить?

Не нахожу, что ответить. Я к такому не готовилась.

- Эй, постояльцы, - в хлев влетает румяная деваха с узлом тряпья, - одёжа вам. Хотя срам бабе своей непутёвой прикрой, - на Жеребца глазками так и стреляет.

- Благодарствуем, - перегораживаю обзор. Ибо нефиг! Если уж назвался мужем, я своего не отдам.

Она буквально кидает в меня узлом и фыркнув, выбегает обратно, бросая на ходу,

- Ты, Семён, хоть мужик справный, но дурак! Эку кочерёжку за себя взял! Поприятней да помясистей девок у Пожарских что ли нету?

- Да меня барин, не спрося сосватал, - жалуется сволочь! А сам ухохатывается.

Только мне не до смеху.

- Когда этот фарс закончится, я тебя убью! – грожу кулаком.

Ну и заодно растрясая узел.

Из него валится дореволюционный реквизит: длинная рубаха на манер бабушкиной ночнушки, красных сарафан, мужские портки с ширинкой на запах и косоворотка, расшитая по вороту.

- Секонд хэнд, - принохиваюсь, но в этом хлеву всё имеет аромат навоза, - явно не новое.

- Дарёному коню в зубы не глядят, - ворчит Семён, - надевай. Без вариантов. Чтобы незаметно смыться, надо слиться с толпой.

Возвращаю ему рубашку и прямо на своё натягиваю карнавальный костюм.

Внезапно в заднем кармане шорт обнаруживаю мобильник. Это просто чудо, что он до сих пор там! Не вывалился!

- Ура! Мы спасены! – включаю, набираю Гришаню, если официально – редактора агентства Григория Антоновича Круглова.

Он там, наверное, рвёт и мечет! Ярмарка в разгаре, а съёмочная группа где-то загуляла.

- Ни хрена, я уж пробовал, когда в курятнике у той бабы прятались, - убивает надежду Жеребец. - Бермудский треугольник.

И точно, сколько ни скачу, ни тяну руку вверх, ни гудков, ни одной полоски на антенне.

- Вот харчи! – внезапно снова возвращается та противная девка. Ставит прямо на земляной пол кринку молока и половину каравая в тряпице. – Тятя велел.

- Ой, спаси тебя Бог, красавица! – предатель прям соловушкой заходится.

- Меня так-то Наталкой звать, - рдеет та, и глазки долу.

- А меня... Прасковьей, кажется, - солидно подаю руку.

Но она шарахается, как от прокажённой. И вспоминает,

- Семён, а ты её когда пороть будешь?

Жеребец, потерявшись на минуту, чешет в затылке, и на меня опасливо поглядывает,

- А вот поедим, и примусь.

- Ага, - соглашаюсь, - поедим, и примемся.

- Лучше бы до еды, - рекомендует опытно.

- А я считаю, что десерт подают в конце, - наступаю на Жеребцова, - правда ведь? А, муженёк?

- Да она у тебя впрямь малохолльная, - дивится деваха. Стоит, не уходит. Видимо, ждёт, когда аттракцион начнётся.

Мой домостроевец не знает, что делать. Наталка трактует на свой манер и, шмыгнув вглубь хлева, притаскивает настоящий... кнут,

- На-ка, покажи кто в доме хозяин! – подаёт.

- В смысле в хлеву? – уточняю.

А этот гад-предатель, сдвинув сурово брови, разматывает длинный конец,

- Прасковья! А ну сымай штаны!

Глава 4.

- Совсем сдурел? – возвращаю Жеребцова с небес на землю.
Но он не унимается,
- Кому говорю, сымай!
- Ужо! – изображаю подобострастие. – Бегу, и чёлка назад!
Выставляю фигу.
- Какие штаны? – Наталка в непонятках. – Она же баба!
Семён, слегка растерявшись, пытается выправить ситуацию,
- Да это я так, образно, - и, покосившись на любопытную девку, буквально умоляет, -
Прасковьюшка, пожалуйста, не ломайся. Задирай подол. А то хуже будет.
- Ох, как страшно! – картинно хватаюсь за щёки. Какое кино тут снимают эти дураки, не пойму, но так и быть, подыграю. Хотите фарс, будет вам фарс. - А эта, - показываю на Наталку,
- пуцай выйдет. Чего это я перед незнакомой бабой голой задницей сверкать должна!
- Да, Наташ, - соглашается воспитатель, - ты иди. Мы тут сами по-семейному.
- Да, пожалуйста! – фыркает та. – Я на дворе обожду.
Оставшись наедине, пытливо изучаю Жеребцова,
- Ну что делать будешь?
- Анжел, - подходит вплотную, шепчет, щекоча губами ухо, - ты ори, как будто тебя порют, а я буду по стене лупить. Может, выкрутимся?
- Не понимаю тебя, Семён, - вздыхаю. – Может, это заразно? Только почему я-то до сих пор в своём уме?
- Ты действительно не понимаешь. Это не кино и не розыгрыш. – чешет в затылке. - Мы каким-то образом провалились в прошлое. Я думаю, тот шарик был не простым. Молния - ключ к portalу.
- Не болтай ерунды... - отмахиваюсь. – Мы взрослые люди, на дворе двадцать первый век. А ты тут сказки рассказываешь.
- Боюсь, что мы не в сказку попали, - вздыхает озабоченно. – Анжел, нам надо держаться вместе, чтобы выбраться отсюда. Но сначала понять, как это сделать. А пока не нашли выход, подыграть, а то хуже будет. Сдохнуть в прошлом – не было моей мечтой.
Верить Жеребцову, или нет, не знаю. Но он так убедителен, что, наверное, есть вероятность, что не врёт. Но как в это поверить?
- Э-эй, вы там! – орёт со двора любопытная Наталка, - что-то не слышать порку!
- Сейчас!
В подтверждение, кнут в руках Жеребцова, сделав мёртвую петлю, стегает концом о стену довольно звонко.
Семён делает жалобные глаза. В них паника, смесь ужаса и отчаянной мольбы: «Играй, дура!»
Прокашлявшись, как оперная дива, перед сольной партией, пробую голос,
- О-ой! Семё-ён!
Получается хреново. Даже я понимаю.
- Не верю, - шипит он по Станиславскому.
- Сама не верю, - соглашаюсь шёпотом.
- Давай, погромче.
- Семён, миленький, - постепенно войдя в раж, завываю на всю округу, падая на колени прямо в солому. - Не надо! Я больше не буду-у! Я хороша-ая!
- Молчать! - рывкает он и со свистом рассекает кнутом воздух.
- Так молчать, или орать? – уточняю. – Ты уж определись.

ШМЯК! - удар приходится прямо за моей головой. Солома взлетает в воздух.

- Ори, конечно, - просит, - это я не тебе.

- А-а... Ой-ёй-ёй! – стенаю, как резаная. - Больно-то! Ой, Семён! Ой, мужёнок любимый! Не убивай!

- То-то же! - он замахивается снова, бьёт в другое место. - Будешь знать, как позорить мужа перед людьми! - Тут же шипит, делая страшные глаза, - громче!

Ах, ты хочешь громче? Как в кино? Получай, Жеребец!

- О-о-о-о! - начинаю с низкого стога, постепенно идя на повышение. - Да-а-а! Сёмочка! Ещё-о-о! Вдарь сильнее-е-е!

У него глаз дёргается. Отлично!

- Что ты... - пытается спросить.

- А-а-ах! - перебиваю, закатывая глаза. - Какая же я непослушная! Выпори меня! Выпори так, чтобы всю ночь помнила-а-а!

Кнут снова шмякает в стену, но теперь уже как-то нервно, сбивчиво. Семён краснеет. Этот махровый шовинист, который вечно подкалывал меня в агентстве, сейчас пунцовый, как спелый помидор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.